

ПРИШЕЛЕЦ- СУПЕРЗВЕЗДА

«По-настоящему инопланетное голливудское приключение!

В этой книге есть все: интрига, динамичный сюжет и много классных шуток».

ДЖЕФФ КИННИ, автор серии «ДНЕВНИК СЛАБАКА»

ГЕНРИ УИНКЛЕР и ЛИН ОЛИВЕР

Дневник слабака

Генри Уинклер

Пришелец-суперзвезда

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-053.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

Уинклер Г.

Пришелец-суперзвезда / Г. Уинклер — «Издательство АСТ»,
2019 — (Дневник слабака)

ISBN 978-5-17-127103-9

Никого не шокирует шестиглазый инопланетянин, прогуливающийся по заднему двору голливудской киностудии Universal, ведь все туристы думают, что он – часть шоу. Так настоящий пришелец Бадди получает роль в популярном телешоу, где играет (конечно же) пришельца. В одночасье Бадди становится звездой: сталкивается с толпами фанатов, ездит в гламурных лимузинах и даже появляется на красной ковровой дорожке. Но сможет ли он сохранить свою тайную личность, постоянно находясь в центре внимания?

УДК 821.111-053.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-127103-9

© Уинклер Г., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

1	6
2	11
3	15
4	21
5	27
6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Генри Уинклер, Лин Оливер

Пришелец-суперзвезда

*Данная книга посвящается
Гэри Маршаллу, Тому Миллеру и Эдди Милкису, потому что это
они научили меня всему, что я знаю о телевидении. И Стейси. Навсегда.
– Г. У.*

*Для Анаррес, Элеттры и новой девочки-мальшики. Чтобы вы
читали и смеялись.
– Л. О.*

Henry Winkler, Lin Oliver
ALIEN SUPERSTAR

Публикуется с разрешения Harry N. Abrams, Incorporated, New York и Литературного агентства «Синописис»

Text copyright © 2019 Henry Winkler and Lin Oliver
Illustration copyright © 2019 Ethan Nicolle
First published in the English language in 2019
by Amulet Books, an imprint of ABRAMS, New York.
ORIGINAL ENGLISH TITLE: ALIEN SUPERSTAR
(All rights reserved in all countries by Harry N. Abrams, Inc.)

© Ю. Капустюк, перевод на русский язык, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2021

1

Отпраздновать день рождения не было никаких шансов.

Я слышал выдохи, вырывающиеся из моего третьего лёгкого, того самого, что переходит на ускоренный режим, когда мне страшно. Покрывающая планету красная пыль залепила мои глаза – все шесть. Но у меня совсем не было времени открутить их и замочить в растворе из перебродивших лапок жуков, что является (я уверен, вам это отлично известно) единственным способом очистить сетчатку глаза от межгалактической пыли. Эскадрилья следовала за мной по пятам. Я уже чувствовал жар их лазерных лучей, когда они попадали в присоски, покрывающие мои ступни.

«Беги, – подумал я. – Беги так, будто от этого зависит твоя жизнь!»

Так оно и было.

– Гражданин Коротконос, – проорал один из командиров Эскадрильи, – остановитесь немедленно! Вам от нас не убежать.

– Не вздумай останавливаться, внучек Коротконос, – сквозь одышку произнесла моя бабушка. По её голосу я понимал, что она на последнем издыхании. Ох как непросто уходить от преследования самой смертоносной штурмовой Эскадрильи в галактике, когда тебе девять-сот восемьдесят семь лет от роду!

Своими двумя тыльными глазами я увидел, что бабушка отстаёт. Мой похожий на хобот сенсорный усилитель, который растёт из верхней части спины, должно быть, почуял её страх. Он отлично улавливает чувства окружающих, а также усиливает все наши ощущения, такие

как вкус, осязание, зрение и слух. Мой усилитель инстинктивно потянулся к бабушке, стремясь ухватить её за руку. Она отмахнулась и шлёпнула его, и по моему телу пробежала волна боли.

– Не надо мне помогать, внук Коротконос, – прохрипела она, собрав последние силы. – Убирайся отсюда и иди навстречу своей судьбе!

– Я не могу тебя бросить, бабуля Морщинка!

– Таков наш план, внучек. Моя жизнь приближается к концу, а твоя только начинается.

Это были последние слова, которые я услышал от бабули перед тем, как Эскадрилья накинула на её хрупкое тело титановую сеть.

– Старуху мы взяли! – крикнул командир. – А теперь сдавайся – и вы оба выживете!

Моя цель заключалась не в том, чтобы выжить, а в том, чтобы *жить*. Оставшись здесь, я точно не смог бы жить так, как мне хочется. Они бы меня нейтрализовали. Деактивировали мой сенсорный усилитель. Уничтожили бы мою способность познавать всё, что есть на свете чудесного... Я бы стал одним из них – роботизированным, безрадостным, мёртвым. Нет, я не мог здесь остаться. И не останусь.

Я собрал все силы и побежал быстрее, заставляя себя не оглядываться. Красное солнце садилось, а я должен был оказаться на Кладбище до того, как взойдёт луна, иначе мне никогда не вырваться из гравитационного притяжения планеты. Но дурацкие присоски на ступнях только мешали. Вот вам совет: если нужно куда-то быстро добраться, удалите со своих ступней любые присоски.

К сожалению, я этого сделать не мог. Я с ними родился.

Эскадрилья меня настигала. Впереди уже маячило Ущелье Красных Водорослей. Кладбище находилось на дне, если спуститься вниз по крутой извилистой тропе. Я принял мгновенное и рискованное решение.

Закрыв все шесть глаз, схватив сенсорный усилитель и плотно прижав его к телу, я сложился в клубок и покатился по склону ущелья. Я больно бился о землю и нёсся вниз по склону каньона, отскакивая от зазубренных камней, которые протыкали мой внешний слой эпидермиса, то есть то, что вы, люди, называете кожей. Боль была такой невыносимой, что я не мог даже кричать.

В тот момент, когда я понял, что больше не вынесу, я ударился о дно ущелья и влетел головой вперёд в железную стену, окружавшую Кладбище. Голова закружилась, но жалеть себя не было времени. Эскадрилья уже стояла наверху на краю обрыва. Одни стреляли в меня лазерными лучами, а другие сползали по дороге вниз, тоже открыв по мне огонь. Я поднялся на ноги и направился к секретной панели управления, расположенной в скрытой от посторонних глаз части стены. Бабуля Морщинка велела мне запомнить код, но теперь моя память была чиста.

Кода я не знал.

– Стой!

Голос командира прозвучал совсем близко. Я не мог точно сказать, насколько, но знал, что ближе некуда.

– Не глупи! Сдавайся! – взревел он.

Код, код, код...

Он сидел в моей памяти, но всё затуманил страх. Бабуля выбрала именно его, потому что это был мой самый любимый герой земных фильмов, которые мы вместе просматривали тайком.

Ну конечно.

Я вытянул руку и дрожащими пальцами набрал: С-К-А-Й-У-О-К-Е-Р.

Тяжёлые ворота с грохотом открылись.

Я проскользнул внутрь и нажал на кнопку с внутренней стороны, чтобы их закрыть.

Секундочку! Это что, рука? Она просовывается в дверь и пытается меня схватить? Душе-раздирающий крик, который я услышал, когда ворота плотно закрылись, подтвердил мои подозрения.

Кладбище служило последним пристанищем для устаревших транспортных средств нашей планеты. Бабуля часто заходила туда и собирала запчасти для старых космических кораблей, которые ремонтировала. Она была лучшим профессиональным механиком в нашем транспортном парке, знала наперечёт все детали и фрагменты техники, которые здесь хранились, и даже втайне от всех поменяла код, который открывал ворота. Весь последний год она незаметно притаскивала меня сюда каждый вечер, чтобы подготовить к этому самому моменту, когда придётся бежать от настигающей меня неизбежности. Она вспоминала времена до Новой Эскадрильи, когда жизнь на нашей планете была цветной, ароматной и наполненной творчеством, и страстно хотела, чтобы я тоже прожил такую жизнь.

Каждый предмет на Кладбище я знал так же хорошо, как и моя бабушка. Все они были для меня как старые друзья. Я продвигался вперёд, огибая заржавелые космические корабли, протискиваясь между развалившимися межзвёздными истребителями, повреждёнными формсажными камерами и сломанными крыльями всех форм и размеров.

– Гражданин Коротконос, – крикнул командир Эскадрильи, воспользовавшись встроенным в шею усилителем голоса, – вы в ловушке! Вам не выбраться!

«Это ты так думаешь, роботизированная марионетка на службе у государства», – подумал я.

Я пригнулся, спрятавшись за горой из обломков крыльев, и стащил металлический брезент с транспортного средства, которое передвигалось со скоростью, превышающей скорость света. Его мы с бабулей Морщинкой собрали специально для моего побега. Корабль стоял передо мной – но мог ли он взлететь? У нас до сих пор не было возможности это проверить. Вскарбавшись по лестнице к люку, я ощутил жгучую боль в руке. Мои передние глаза уви-

дели, как из плеча хлынула лиловая кровь, в то время как глаза на затылке засекли солдата, который перелез через стену и выстрелил в меня.

Схватившись за плечо, я запрыгнул в транспортное средство и скользнул на сиденье пилота. Пристегнулся здоровой рукой, потянул и закрыл за собой люк, но тот вдруг резко открылся. Мой сенсорный усилитель пришёл в движение и теперь открывал дверцу каждый раз после того, как я пытался её закрыть.

– О нет! Только не сейчас! – взревел я.

Он громко втянул воздух. Я отлично знал этот звук: мой усилитель приберегал его исключительно для самых чудесных ароматов.

Я выглянул в открытый люк и понял, в чём дело. Тонкая веточка медоноса пробилась сквозь грудку сломанных крыльев и тянула вверх свои оранжевые цветки. Их сладкий аромат взбудоражил мой сенсорный усилитель. А меня будоражил неизменный лязг, с которым лазерные выстрелы отскакивали от распахнутого люка. Стреляли явно с близкого расстояния. Эскадрилья была совсем рядом.

Я вытянул руку и схватил свой сенсорный усилитель, который обернулся вокруг лозы и то ли фыркал, то ли хрюкал, вдыхая аромат цветущего медоноса. Я раздражённо дёрнул его вовнутрь и громко захлопнул люк.

– Хватит нас задерживать! – закричал я, извлекая из его хобота оранжевый цветок. – Хоть бы раз в жизни сделал, как я говорю!

Я знаю, что у вас в человеческом мире нет привычки орать на свои части тела. Но сенсорные усилители обладают собственным разумом и реагируют на все внешние воздействия. В этом их прелесть и одновременно коварство – ведь именно эта особенность делает их опасными.

Я нажал на кнопку зажигания, и приборная панель засветилась, показывая координаты пункта назначения. Это был хороший знак. Стараясь не отвлекаться на боль в руке, я схватился за акселератор и толкнул его вперёд. Корабль весь задрожал, но в воздух не поднялся.

Я услышал стук в окно, повернулся и увидел прижатую к стеклу физиономию командира.

– Сдавайся! – крикнул он.

– Никогда, гадоид!

– Каждый тринадцатилетний подросток на нашей планете должен через это пройти, – прорычал командир. – Когда твой сенсорный усилитель отключится, ты и сожалеть об этом не будешь!

– Я отказываюсь становиться таким как ты, ходячий мертвец!

Я дотянулся до рычага высоты, но никак не мог за него ухватиться. Моя перчатка пропиталась моей же кровью, и рычаг стал скользким.

Сейчас или никогда. Это был последний шанс.

Я вцепился в рычаг обеими руками и изо всех сил толкнул его вперёд. А затем наконец услышал, как он включился, и почувствовал, что корабль оторвался от земли и медленно набирает высоту.

Командир висел на крыле и рывкал на меня, приказывая опустить корабль. Не обращая на него внимания, я активировал ускоритель частиц, и мы с головокружительной скоростью рванули вперёд в направлении стены Кладбища. Необходимо было набрать высоту. Сию же секунду, а лучше ещё раньше.

Я разместил переключатели двигателя по обеим сторонам водительского сиденья и оттянул их вниз, насколько это было возможно. Нос корабля дёрнулся вверх. Из-за резкого набора скорости командир сорвался. Тильными глазами я увидел, как он стремительно летит вниз, прямо в кучу рваных металлических обломков.

Мой корабль взмыл в небеса над краем ущелья. Я посмотрел в окно: луна как раз достигла своей наивысшей точки. Ещё пара секунд – и я бы пропал.

Солнце моей планеты, Красного Карлика, потускнело вдали, и передо мной открылся бескрайний космос.

Когда мы достигли максимальной скорости и ворвались в галактику, я от перегрузки вжался в сиденье, и все мои внутренние органы как будто стиснулись от огромного давления. Желудок стал плоским, и из меня вырвались мои телесные газы, да с такой силой, что я был уверен: корабль от этого полетел ещё быстрее. Моё тело загрохотало, издавая звуки, похожие на раскаты грома. Если не ошибаюсь, вы на Земле называете его «гигантским пуком».

Это последнее, что я запомнил перед тем, как отключился.

2

Когда я пришёл в себя, то понятия не имел, где нахожусь или сколько времени прошло. Бабуля Морщинка запрограммировала мой корабль таким образом, чтобы он опустился на планету Земля, но я не знал, насколько продвинулось моё путешествие. Я повернул все свои шесть глаз вперёд и обозревал сквозь ветровое стекло панорамный вид. «Ого, космос такой красивый!» – подумал я, глядя на закручивающуюся впереди туманную спираль, испещрённую двумястами миллиардами звёзд. Перекатив глаза на левую сторону, я заметил мерцающую жёлтую планету, окружённую светящимися кольцами коричневого, серого и розового цветов.

Подождите минуточку... Наверняка туманная спираль – это Млечный Путь, а светящаяся планета – Сатурн. Значит, я нахожусь на расстоянии всего 746 миллионов миль от Земли, плюс-минус 50 миллионов! Понимаю, вам оно может показаться колоссальным, потому что вы, люди, продолжаете ездить на четырёх резиновых покрышках, окружённых металлом. Не хочу вас обижать, но там, откуда я родом, технологии шагнули далеко вперёд. Не вдаваясь в законы физики, скажу лишь, что моё транспортное средство, чья скорость превосходит скорость света, с помощью телепортации доставило меня на Землю быстрее, чем вы добрались бы из Биг Арм, штат Монтана, в Грин Эйкерс, штат Северная Дакота.

У меня вдруг заныло в желудке, и я вспомнил, о чём предупреждала меня бабуля Морщинка.

– Я положила для тебя несколько питательных вафель в пищевой контейнер на приборной панели, – сказала она. – Больше оставить не могла, потому что на счету каждый грамм, а я не хотела утяжелять твоё воздушное судно. Вафли обеспечат тебя необходимым питанием до тех пор, пока ты не поймешь, что сможет поддерживать тебя на Земле. И помни: чтобы оставаться сильным, нужно всегда пить очень много воды.

Я протянул руку, чтобы открыть контейнер, и почувствовал, как больно кольнуло в плече. Все мои глаза переметнулись на правую сторону головы и посмотрели вниз на рану, которая уже покрылась коркой из тёмно-пурпурной запёкшейся крови. Из-за системы герметизации, которую бабуля Морщинка установила в моём воздушном судне, рана заживала быстрее, чем обычно. Я надеялся, что она полностью затянется к тому моменту, когда я опущусь на Землю. Вряд ли мне удастся произвести хорошее впечатление, если из моего тела будет хлестать лиловая кровь.

Я взял одну вафлю и сунул её в рот. Она растворилась на языке, и я моментально ощутил прилив энергии. Жевать нужды не было – наш вид избавился от зубов несколько эр назад. Вам, землянам, это пришлось бы по вкусу, ведь вам до сих пор приходится каждый год навещать стоматолога. Я слышал, что они просверливают в зубах дырки, – а это звучит не так уж весело.

Наш Верховный лидер постановил, чтобы вкус из питательных вафель выпаривался полностью: так наши органы чувств не будут стимулироваться. Он считает, что возбуждение чувств может привести к самым разным неприятностям, как будто насладившись кусочком пиццы с ветчиной, ты сделаешь первый шаг к свержению репрессивного правительства.

Хотя я мог бы проглотить все вафли разом, я заставил себя приберечь одну из них до тех пор, пока не пойму, чем смогу питаться на Земле. Земная еда отлично выглядела в фильмах и телевизионных шоу бабули Морщинки, которые мы смотрели в её подземном погребке. Особенно мороженое. Так забавно наблюдать за тем, как люди используют язык в качестве ложки! Или возьмите спагетти – оно ведь похоже на огромный клубок ниток!

«Интересно, оно завязывается в узлы в животе?» – размышлял я.

Внезапно прямо передо мной возник крупный объект. Он летел прямо на меня.

– Прочь! Прочь! – закричал я, но никто не мог меня услышать.

Я схватил рычаг высоты и потянул, заставив своё транспортное средство взмыть ввысь над объектом. Пролетая мимо, я опустил взгляд и понял, что это спутник с гигантскими буквами «США» на солнечных панелях. Значит, Земля уже недалеко. Сквозь ветровое стекло я разглядел шарик голубой планеты. Три моих лёгких заработали на полную мощь, жадно вдыхая воздух и помогая мне справиться с волнением и страхом.

Это была она. Земля.

Я направлялся напрямик в то место, которое забила в программу бабуля Морщинка. Это был наш самый любимый адрес на Земле, тот самый, что был указан в конце почти всех кинофильмов.

Киностудия Universal, Северный Голливуд, Калифорния.

Мы были единственными на нашей планете, кто вообще знал о существовании фильмов. Бабуля Морщинка вспоминала, как, будучи ребёнком, посмотрела несколько фильмов в Большой библиотеке, до того как новое правительство её уничтожило, и с тех пор никогда не забывала, какое влияние они на неё оказали. Позже, став главным инженером, она изобрела устройство для трансляции земных фильмов и телевидения через всю вселенную прямо в её подвал. Мы смотрели эти фильмы бесконечно, смеясь и плача над каждой деталью. Так я понял, что в моей жизни всегда должно быть место творчеству. Без него я не был бы собой.

Если бы наш Верховный лидер или кто-то из Эскадрильи обнаружил подвал бабули Морщинки, место наших тайных развлечений, её бы поместили в одиночную тюремную капсулу и запустили в космос, изгнав с нашей планеты навсегда. И меня следом. Но мы мечтали о том, чтобы я добрался до студии Universal прежде, чем мой сенсорный усилитель отключится. Тогда бы я оказался в безопасности и смог прожить свою жизнь так, как считаю нужным.

Монотонный голос бортового компьютера выдернул меня из размышлений.

– Посадочные координаты прямо по курсу.

– Повторите, пожалуйста, – сказал я.

– Посадочные координаты зафиксированы. Вы готовы?

– Да, – ответил я, стараясь побороть волнение. Вряд ли я был готов, но, когда находишься в миллиардах миль от дома, хочется, чтобы вселенная знала, что ты уверен в себе, даже если это не так.

– Прежде чем приземлиться, убедитесь, что вы сходили в туалет, – продолжал гудеть компьютер.

– Я что, младенец? – огрызнулся я.

– Возраст младенцев составляет год или менее, а вам тринадцать, поэтому ответ – нет.

Компьютеры лишены чувства юмора – везде, на какой бы планете вы ни жили. Мы приблизились к Земле, и корабль сильно затрясло. Сенсорный усилитель подобрался ближе к

моему телу и уткнулся мне в подмышку, очевидно, реагируя на изменение атмосферы. Я услышал, как он глубоко вздохнул и тут же заворчал. Неудивительно – я не мылся несколько дней.

Я так крепко вцепился в подлокотник кресла, что все четырнадцать костяшек на пальцах побелели. Глядя в окно, я уже мог разглядеть океан и береговую линию, за ней – полосы автомагистралей, заполненные очаровательными крошечными машинками. У них были четыре резиновые шины, окружённые металлом.

Я услышал, как включилась тормозная система, и почувствовал, как выскочили опорные ноги моего космического корабля. Сила притяжения Земли и сопротивление её атмосферы замедлили нас достаточно для того, чтобы мы приблизились к ней очень осторожно. В окне я разглядел толпу гуманоидов, устремивших взгляды на небо – настоящих, живых, человеческих людей, которых прежде я видел лишь в кино или телепередачах. Только на этих были широкие шляпы и яркие рубашки в цветочек. Если вы вырядитесь так на моей планете, то можете загреметь в тюрьму.

Когда мой корабль навис над толпой, люди стали разбегаться в разные стороны, стараясь укрыться от жара и нисходящего потока воздуха. Так бросаются врассыпную огромные красные песочные жуки при столкновении астероидов. Ну, вы знаете, как это бывает.

Поначалу люди выглядели испуганными, и я их прекрасно понимал. Не каждый день увидишь, как прямо перед твоим носом приземляется космический корабль, даже если ты на экскурсии в парке киностудии Universal, где тоже есть на что посмотреть. Например, на атаки искусственных акул, замки волшебников и гигантских механических обезьян с банановым запахом изо рта.

Корабль вздрогнул и с грохотом опустился на землю. Я выглянул в окно и уставился на толпу людей. Я смотрел на них, а они – на меня. Они не моргали, ничего не говорили и даже не махали руками в знак приветствия.

Рады ли они пришельцу? Или сейчас набросятся на меня, и тогда мне придётся запечататься в этой капсуле и просидеть здесь всю оставшуюся жизнь?

Я расстегнул ремень безопасности, наполнил три лёгких воздухом и потянулся к ручке люка.

Отступать было некуда.

3

Открыв люк, я тут же натолкнулся на солнце.

Я имею в виду, оно буквально сразило меня наповал, обстреляв ярко-жёлтыми лучами в каждый глаз. На Красном Карлике свет всегда тусклый. Яркий свет Земли был невыносим.

Я быстро вернулся обратно в корабль и полез в ящик, куда бабуля Морщинка сложила предметы первой необходимости, такие как мази, лосьоны и щипчики для ногтей. Нам придется подстригать ногти дважды в день, если только мы не планируем использовать их в качестве личной чесалки для спины. Я перерыл весь ящик и наконец нашёл то, что искал.

Солнцезащитные очки.

Хотя, возможно, вы бы назвали их иначе. Это были тонированные монокли, одиночные линзы, которые крепятся к каждому глазу. Когда я защёлкнул их на глазах, что, кстати, совсем не больно, то понял: одного не хватает. Я снова принялся рыться в ящике, но тут меня прервал громкий стук в люк.

– Выходи, – донеслись до меня приглушённые голоса. Я выглянул в окно: корабль окружила толпа людей. – Мы хотим селфи!

Селфи? Это ещё что такое? Я-то думал, что знаю английский. Я изучал семьдесят два языка и свободно изъясняюсь на семидесяти одном (венгерский мне никак не даётся). Но ещё ни разу не слышал слова «селфи». Мой мозг пробежался по земному словарю, но ответа не нашёл. Самым близким по смыслу было слово «self» – «я» на английском: то, что отличает нас от другого человека. У меня было это «я», но я не собирался его никому отдавать.

Стук в люк становился всё более настойчивым.

– Мы не можем ждать весь день! – кричал мужчина с изображением разноцветного огнедышащего дракона на руке. – Нам нужно до обеда успеть в «Мир Гарри Поттера». Открой дверь!

«Неудивительно, что он так торопится, – подумал я. – Я бы тоже торопился, если бы моё предплечье обжигал огнедышащий дракон». Я так и не смог найти пропавший моноколь, поэтому оставалось лишь закрыть шестой глаз и переместить его на затылок. Несмотря на отсутствие зубов, я нацепил на лицо самую широкую улыбку, надеясь, что людей не шокируют мои ярко-красные десны, и открыл люк, готовый познакомиться с существами, которых знал только по фильмам.

Люк открылся, я высунул голову, и вся толпа разразилась аплодисментами.

– Отпадный костюм! – воскликнул огромный мужчина с волосатыми руками. Затем он схватил меня за плечи, и я оказался с ним лицом к лицу.

– Улыбнись тётё Берте из Миннесоты, – сказал он, сжав меня так крепко, что я испугался, не свернёт ли он мне шею.

Незнакомец сфотографировал нас на свой мобильный телефон. Я видел один из этих телефонов на своей планете, в музее – он сохранился там, с тех пор как мои предки пользовались им целую вечность назад. Такие аппараты сильно устарели, поскольку теперь мы можем фотографировать любым из наших шести глаз.

Мужчина поднял телефон и продемонстрировал свою фотографию всей толпе.

– У тётё Берты выпадет вставная челюсть, когда она увидит меня с этим лупоглазеньким.

Никто никогда не называл меня лупоглазеньким. Мне стало грустно. Я был так далеко от дома! Слёзы выступили на моих глазах под номером три, четыре и пять, имеющих самые широкие слёзные протоки. Из-за слёз я стал хуже видеть, особенно учитывая, что мой шестой глаз был по-прежнему закрыт, иначе бы его обожгло беспощадное калифорнийское солнце.

Я окинул взглядом толпу. Первой, кого я увидел, оказалась маленькая девочка с ярко-синим языком и в футболке, на которой было написано «Мак-н-чиз¹ сделают твою жизнь лучше». Через соломинку, торчавшую из круглой пластиковой крышки, она пила синее вещество со льдом.

– Можно взять твою крышку? – спросил я. – Мне действительно очень нужно.

– Смотрите все! – захихикала она и протянула мне крышку. – Инопланетянин собирается пообедать этой пластиковой штукой!

Я перевернул шестой глаз с затылка на лоб, взял крышку из рук девочки и надел её на глазное яблоко. Она закрыла почти всё солнце, и моему глазу стало гораздо легче. А вот кому легче не стало, так это моему сенсорному усилителю. Я чувствовал, как он зашевелился, хотя

¹ «Mac & Cheese» (англ.) – макароны с сыром (*прим. ред.*).

и понятия не имел, какой именно звук, запах или картинка привлекли его внимание. Вскоре я это узнал. Усилитель резко выпрыгнул из спины и начал нюхать и искать. Казалось, его заинтересовала синяя жидкость в стакане девочки.

– О нет! – воскликнул я. – Не смей!

Но, как вы уже знаете, сенсорные усилители обладают собственным разумом, и аромат этого ледяного напитка показался его рецепторам запаха прекрасным. Громко фыркнув, он нырнул в голубую жидкость, расплескав её по футболке девочки.

– Ого, только взгляните, какая штуковина на спине у этого пришельца! – вскричал мальчик с металлической пластинкой на зубах. – Это лучший спецэффект из всех, что я когда-либо видел!

Его похвала дорогого стоила, ведь она вырвалась из уст ребёнка, металлические зубы которого сверкали на солнце и мерцали, словно лампочка.

Люди принялись активно фотографировать мой сенсорный усилитель, который продолжал дико кружиться в воздухе, всасывая синюю жидкость и распыляя её на всю толпу. Я думал, что они рассердятся, но они лишь смеялись и подначивали его. Оказывается, у людей отличное чувство юмора.

– Он любит вкус голубой малины, как и я! – вскричал маленький мальчик, восседавший на плечах у отца. – Как же мне нравится этот хобот!

Вот вам небольшой совет, земляне: никогда не разговаривайте с сенсорным усилителем, когда он ест. Мой усилитель повернулся к мальчугану и окатил его волной синей слякотной жижи. Мальчик звонко расхохотался, и мой сенсорный усилитель последовал его примеру, взвизгивая с такой частотой звука, что мои уши завибрировали. Затем он устремился к голове мальчика и обнюхал его лоб, а мама мальчика сняла всё происходящее на свой телефон.

– Ого! – крикнул паренёк со сверкающими зубами. – Эта леди успела всё заснять на видео!

– Кто мог знать, что сегодня ты станешь звездой шоу, Лео? – произнесла мать мальчика. – Держу пари, моё видео получит тысячи просмотров. В нашей семье появится первая кинозвезда!

Толпа подошла ко мне так близко, что, даже несмотря на третье лёгкое, мне стало трудно дышать. Я не мог от них уйти – идти было некуда. Не мог прорваться сквозь толпу, а люк за спиной был закрыт. Я оказался в западне, и меня накрыла паника, как тогда, когда за мной гналась Эскадрилья.

Вдруг словно из ниоткуда появилась большая резиновая зелёная рука и схватила меня за запястье. Я попытался вырваться из её цепких объятий и вскарабкаться на борт своего корабля, но не смог пошевелиться. Я поднял голову и увидел, что моё запястье сжимает высоченный монстр, нависший над толпой.

Его жуткая зелёная голова крепилась к шее с помощью металлических болтов. Он бросился на меня и зарычал.

«О, просто супер! – подумал я. – Не успел пробыть на Земле и трёх минут, как уже настал мой смертный час».

– Пойдем со мной, дружище, – сказал монстр. Его добрый голос никак не вязался с жуткой внешностью.

– Поди-ка сюда, Франкенштейн! – крикнул мужчина с волосатыми руками, подняв в воздух свой телефон. – Улыбнись своей чудовищной улыбкой!

– Не сейчас, чувак, – ответил монстр. – Нам с космонавтом пора на обед. Мы вернемся в два.

– Вернёмся? – пискнул я.

– А пока перекусим, – ответил Франкенштейн. – У меня в комнате отдыха припасён бутерброд с колбасой.

Франкенштейн потянул меня за руку, но я снова не смог пошевелиться, на этот раз из-за того, что присоски на ступнях плотно прилипли к земле. Асфальт был горячим, и от этого они прилипли ещё сильнее.

– Ты идёшь или как? – спросил Франкенштейн.

– Я хочу, но у меня проблемы с присосками.

Он продел свои зелёные руки под каждую из моих подмышек и поднял меня в воздух. Я услышал, как захлопали присоски, расставаясь с тротуаром.

Монстр указал на мой сенсорный усилитель.

– Эту штуковину ты берёшь с собой?

– Да, она ко мне прикреплена.

– Ого! С каждым днём костюмы становятся всё совершеннее, – заметил он.

Держа меня под мышкой, как мешок с обломками астероидов, он пробирался сквозь толпу, бормоча:

– Пропустите, народ, у нас обеденный перерыв.

Люди, хотя и продолжали нас фотографировать, расступились, и мы выбрались на дорогу, по которой проезжал вагончик с туристами.

Гид рассказывал в микрофон:

– Там есть пруд, где живет знаменитая механическая акула из фильма «Челюсти». Не машите руками, ребята, эта рыбка любит погрызть туристов со Среднего Запада. И – о! – взгляните, как нам повезло! Это Франкенштейн, культовый монстр, впервые прославленный актёром Борисом Карлоффом в 1931 году. Я говорю это вовсе не для того, чтобы вас напугать, но Франкенштейн был создан из частей тел покойников.

– Ты покойник? То есть ты умер? – спросил я у монстра. – Забавно, но от тебя совсем не воняет гнилью.

– Что с тобой, дружище? Мы оба знаем, что это резиновый костюм. А теперь улыбочку – посетители парка нас фотографируют.

Я посмотрел на вагончик: все его пассажиры стояли, держа телефоны наготове. Я улыбнулся им своей самой ослепительной улыбкой.

– Как здорово! – закричал кто-то. – У пришельца красные дёсны. Как его зовут?

– Если честно, я его никогда раньше не видел, – признался гид. – Может быть, он персонаж нового шоу. Это Голливуд, ребята... Тут каждый день происходит что-то новое.

Вагончик отъехал.

– Комната отдыха вон там, рядом с катанием на динозаврах. – Франкенштейн указал большим зелёным пальцем на бунгало, спрятавшееся за искусственными джунглями. – Как думаешь, ты сможешь идти, если я тебя опущу?

– Думаю, да.

– Отлично. Тогда просто старайся не наступить в навоз динозавра.

– У вас здесь до сих пор живут динозавры?

– Не-а. Я просто беспокоюсь за твои присоски.

Он опустил меня на землю, и я попробовал ходить на цыпочках: так присоски меньше прилипали к земле. Мы направились к бунгало и прошли мимо прилавка, за которым продавали какие-то коричневые завитушки, покрытые чем-то вроде кристаллов хлорида натрия. На табличке над прилавком было написано: «КРЕНДЕЛИ».

– Как интересно! – воскликнул я. – Вы носите их как украшение?

– Да, многие люди носят их как браслеты, – рассмеялся Франкенштейн. – Это очень удобно: если ты проголодался, у тебя всегда есть чем перекусить – вот она еда, прямо на запястье. А если ещё смазать крендель горчицей, то будет вообще огонь.

– Однажды я намазал себя горчицей, – признался я, пытаюсь говорить тоном знатока. – Было круто.

– Ты какой-то странный, дружище.

– О, ты и понятия не имеешь, насколько.

– Кстати, по-моему, я так и не спросил, как тебя зовут, – заметил Франкенштейн. – Меня – Луис Ривера.

– Но я думал, тебя зовут Франкенштейн.

– Послушай, дружище, сейчас уже можно выйти из роли. Не обязательно играть пришельца двадцать четыре часа в сутки. Прекращай паясничать и просто назови своё имя.

– На моей планете меня зовут гражданин Коротконос.

– Чувак, ты безнадёжен, – вздохнул Луис.

– Меня зовут Икс-Эр 23 Зета 5466.

– Как же это раздражает! – воскликнул Луис. – Позволь быть предельно откровенным: меня интересует твоё земное имя, потому что так уж случилось, что мы живём на планете под названием «Земля».

Мы с бабулей Морщинкой этот момент упустили. Так торопились отправить меня прочь с родной планеты, что забыли выбрать земное имя, а оно мне было сейчас очень нужно. Большой зелёный парень остановился и смотрел на меня в упор. Я изо всех сил напряг свой мозг.

– Это не такой сложный вопрос, дружище, – сказал Луис.

Дружище. Это то, что нужно.

– Так меня и зовут. Дружище. То есть Бадди².

– А фамилия у тебя есть, или этот вопрос тоже слишком сложный?

Вопрос и правда был сложный. Я в отчаянии огляделся вокруг, напрягая все шесть глаз и пытаюсь найти подсказку.

– Ого, круто! – воскликнул Луис. – У тебя автоматизированный костюм. Как ты управляешь глазами? С помощью пульта дистанционного управления?

Два моих глаза остановились на палатке с едой, у которой толпилось особенно много людей. Надпись на ней гласила: «ЧИЗБУРГЕРЫ – ЛУЧШИЕ НА СЪЁМОЧНОЙ ПЛОЩАДКЕ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ».

– Чизбургер, – ответил я Луису. – Моя фамилия – Чизбургер.

– Что за психи твои родители, если назвали тебя в честь фаст-фуда?

Очевидно, я сморозил глупость.

– Ну, на самом деле Чиз – это моё второе имя, – спохватился я. – Чаще всего я использую только инициалы, Бадди Ч. Бургер.

– Ладно, это ещё куда ни шло, – сказал Луис. – Но мне всё-таки хотелось бы однажды встретиться с твоими родителями и поговорить с ними. Ну а сейчас я жутко голоден, так что давай, Бадди Ч. Бургер, перехватим по кусочку колбаски.

Он опустил мне на плечо большую зелёную руку, и мы направились в комнату отдыха. Вот так у меня появились имя и первый земной друг.

² Buddy (англ.) – дружище; приятель (*прим. пер.*).

4

Когда мы вошли в комнату отдыха для сотрудников, я не мог поверить своим глазам.

Все были наполовину людьми, наполовину чудовищами. Мужчина с телом хищника и лицом гуманоида; светловолосая женщина с пушистым телом тигра... Неподалёку от них два огромных огра, мужчина и женщина, с наслаждением поедали зелёный салат без помидоров и смеялись с набитыми ртами.

– Какие здесь все необычные! – прошептал я Луису.

– Мы – отличная команда, – сказал он. – Все здесь актёры, мы просто прогуливаемся в костюмах по парку киностудии и позируем для фотографий в ожидании обеденного перерыва.

– Кому-нибудь из них удалось стать звездой?

– Да, мой лучший друг, Пол, проделал путь от «Мишки Панды» до ведущего «Покрытых слизью», самого грязного игрового шоу на телевидении.

Всё происходящее казалось мне невероятным. Я стою здесь, на Земле, и тусуюсь с настоящими живыми актёрами и ведущими грязных игровых шоу.

– Привет всем, познакомьтесь с новым подростком на нашем участке, – объявил Луис, когда мы вошли. – Это Бадди Ч. Бургер. Бадди, это все остальные.

– Как дела, Бадди? Ты сегодня в ударе? – спросил у меня один из огров.

– Нет, я ещё ни разу сильно не ударился, – ответил я. – Хотя мои присоски так сильно прилипают к раскалённому асфальту, что приходится ходить на цыпочках, чтобы не упасть.

– Мне не нужен подробный отчёт, – сказал людоед. – Я просто спросил, как дела.

– О! Я так счастлив, что нахожусь здесь!

– Тебе лучше снять эту голову, – посоветовал мне Луис. – Тут как в сауне.

К моему огромному изумлению, Луис протянул руку и снял с себя голову Франкенштейна. Под ним он был человеком, как и все остальные в комнате. Я вскрикнул.

– Почему бы и тебе не снять костюм, Бадди? – спросил Луис. – Расслабься, у нас же перерыв.

– Хм... Спасибо, конечно, – запинаясь, пробормотал я, – но мне лучше остаться в костюме. Его потом будет очень трудно надеть. Знаете, он так плотно прилегает к моему телу, что я с ним почти сроднился.

– Да, я тоже предпочитаю оставаться в костюме, – признался мужчина-ящер. – Так удобнее. Этим большим когтем легко открывать банки с содовой.

– Кстати говоря, – сказал Луис, – я тоже хочу холодненького. Ты будешь, Бадди?

Я вдруг почувствовал, как сильно хочется пить. Я дрожал от жажды и ощущал резкий упадок сил.

– Да, я бы тоже не отказался что-нибудь выпить, – ответил я.

Луис подошел к аппарату, бросил несколько серебряных монет – и в его руки выкатилась банка с напитком. Торговые автоматы встречались мне в фильмах, но было так круто увидеть один из них прямо перед собой!

– Вот, позволь я тебе открою, – предложил мужчина в костюме ящера.

Он взял у Луиса жестяную банку, поддел ключ когтем и передал напиток мне. Я сделал глоток, и мне показалось, что моё лицо атаковали пузырьки. Я стал тереть нос, чтобы избавиться от щекотки, но, когда открыл рот, из него вырвалась длинная громкая отрыжка. Я знал, что это такое, потому что видел, как люди делают это в кино. Однажды какой-то актёр таким образом даже сумел произнести целое предложение.

Все в комнате отдыха рассмеялись.

– Отлично получилось, – прокомментировала женщина-тигр.

– Ого! Спасибо, – улыбнулся я.

Луис подошёл к своему шкафчику и вернулся с металлическим контейнером для завтрака с изображением парня в кожаной куртке верхом на мотоцикле.

– Эй, я знаю этого парня! – воскликнул я. – Видел его в шоу «Счастливые дни».

– Чувак, да когда это шоу транслировали, ты ещё не родился, – заметил Луис.

– Бабуля Морщинка показывала мне записи. Это было её любимое шоу.

– Подожди минутку, – сказал Луис, затем подвинул стул и сел за стол. – Ты называешь свою бабулю Морщинкой? Это грубо, чувак. Это всё равно, как если бы я называл свою бабушку Мозолькой.

Все в комнате покатались со смеху, но я не понял, почему. Мой мозг пробежался по земному словарю, и единственная найденная мною «мозоль» определялась как «выпуклость на основании большого пальца ноги».

– Мне очень жаль, что у твоей бабушки выпуклость на пальце, – сказал я Луису.

Он положил руку мне на плечо.

– Приятель, запомни это слово: Ш-У-Т-К-А.

О, это слово я сразу нашёл в словаре. Шутка: «то, что кажется смешным большому количеству людей». Очевидно, мозоли и выпуклости казались людям смешными. Я решил запомнить это на будущее и засмеялся, но не сразу заметил, что остальные уже затихли. Судя по всему, время для веселья закончилось.

– Послушайте-ка меня, вы все, – произнесла женщина-огр. Она подняла газету под названием «Голливудский кастинг» и зачитала вслух: «Сегодняшние прослушивания: говорящая газонокосилка для анимационного шоу, слепой хирург с золотыми руками и усатый парень в рекламу ополаскивателя для рта».

– Я собираюсь на рекламу ополаскивателя для рта, – сообщил огр.

– Да, сходи, – согласился ящер. – Она как будто создана специально для тебя. У тебя такое зловонное дыхание, что ты мог бы отдирать обои.

Все очень добродушно посмеялись, и от меня не укрылось то, как хорошо они между собой ладят. Во многих фильмах о Земле мы с бабушкой Моршинкой видели, что люди постоянно дерутся, воруют, преследуют друг друга на быстрых машинах, а потом спихивают с обрывов. Но люди, собравшиеся в этой комнате, казались... просто приятными.

– Вот, пожалуйста, Бадди, – сказал великан-людоед, держа газету и тыча в меня коротким пальцем. – Это прослушивание для тебя. Академия Чудиков проводит открытые прослушивания: требуется подросток мужского пола на роль пришельца. 42-я студия, три часа дня.

– Но я никогда прежде не играл, – запротестовал я.

– В Голливуде это ещё никого не останавливало, – заметил Луис. – Кроме того, у тебя уже есть костюм. Просто сходи на прослушивание и прочитай свой текст. Посмотрим, что получится.

– Я даже не знаю, где находится 42-я студия.

– Я тебя туда отведу, Бадди. Никаких проблем.

– Ты сделаешь это для меня?

– Ну конечно. Не могу дождаться, когда увижу твоё лицо по телевизору. «В главной роли Бадди Ч. Бургер, лучший друг неизменно талантливого Луиса Риверы». Неплохо звучит, да?

– Да затихни уже, – вздохнул ящер. – Это просто прослушивание. Шансы один на миллион.

Люди в комнате отдыха продолжали говорить и есть. Они и не подозревали, что только что мой мир перевернулся с ног на голову. Я находился не просто на Земле, а в студии Universal и собирался пойти на прослушивание для участия в телевизионном шоу. Я, гражданин Коротконос. Если бы я не сбежал со своей планеты, к этому времени мой сенсорный усилитель был бы уже деактивирован. И жизни во мне осталось бы не больше, чем в ходячем зомби. А теперь у меня появился шанс стать тем, кем я всегда мечтал – уникальным актёром, обладающим свободой творить и выражать себя так, как хочется.

Пока Луис поглощал свой обед, мой сенсорный усилитель начал капризничать. Очевидно, он уловил аромат сэндвича с колбасой. Прежде чем я успел его остановить, он вдохнул запах сэндвича и громко чихнул. Затем потянулся к бутерброду и выхватил его из рук Луиса.

– Брось, – сказал я.

Усилитель тихонько заскулил.

– Сейчас же.

Он неохотно ослабил хватку, а я забрал бутерброд и с застенчивой усмешкой вернул его Луису.

– Извини, – сказал я. – Иногда мой костюм даёт осечку.

– Не забудь снять эту штуку перед прослушиванием, – ответил Луис. – Ты же не хочешь, чтобы она дала осечку и напала на продюсеров?

Пока Луис заканчивал обедать, я ходил взад-вперёд, мысленно настраивая себя на прослушивание. На моей планете каждый ребёнок должен раз в год представлять перед группой общественных лидеров, чтобы заявить о своей верности Эскадрилье и прочитать Государственные правила. Эта процедура из моей прошлой жизни больше всего походила на прослушивание. В такие дни я всегда нервничал так, что меня тошнило. И теперь я почувствовал то же самое.

После обеда Луис снова водрузил на себя голову Франкенштейна.

– Я подброшу тебя до дверей студии, – сказал он. – А дальше ты сам.

– Без тебя я не соображу, что мне делать. Может, останешься со мной?

– Не получится, обеденный перерыв закончился. Если меня уволят, я вернусь в ресторан своей бабушки и буду снова мыть посуду.

– Пожалуйста! Это мое первое прослушивание...

– Ну же, Луис, останься с ребёнком, – призвал его огр-людоед. – Я бы и сам пошёл, но мне нельзя опаздывать на прослушивание в рекламу с неприятным запахом изо рта.

– Так и быть, – вздохнул Луис, затем повернулся к тигрице и сказал: – Оливия, сможешь попросить вампира Хильду подменить меня и поработать на моей территории?

– Конечно, – ответила она, вставая и надевая голову тигра. – Ни пуха ни пера, приятель.

– Ни пуха, ни пера, – подхватили остальные.

– А что, разве пух и перо мешают получить заветную роль? – спросил я у Луиса, когда мы выходили из столовой.

– Это пожелание удачи, приятель. В актёрской среде.

– О, тогда я надеюсь, что у меня не будет ни одного пуха и ни одного пера.

Из комнаты отдыха мы пошли по дорожке через открытую съёмочную площадку. Мимо проезжали вагончики, туристы покупали еду и толпились в сувенирных лавках. Я улыбался каждому встречному и говорил:

– Эй, ни пуха, ни пера. А ещё ни шерстинок, ни ворсинок.

Однако такой же радостной реакции, как в комнате отдыха, мои слова не вызывали. Трое человек велели мне отвалить, а одна женщина в соломенной шляпе заявила: «Я пожалуйсь вашему начальству».

Вдруг она оказалась прямо перед нами – 42-я студия. Я ожидал увидеть место, где царит веселье, где все поют, танцуют и выступают, но 42-я студия производила, скорее, гнетущее впечатление. Я стоял перед толстой бетонной стеной с раздвижной металлической дверью, красной мигающей лампой над головой и довольно грубым охранником.

– Чего вам надо? – прорычал он.

– Мы пришли на открытое прослушивание, – объяснил Луис. – Мой друг будет пробоваться на роль.

Охранник перевёл взгляд на меня и осмотрел с головы до ног. Затем криво усмехнулся.

– Что ж, удачи тебе, – ответил он.

– Спасибо, – сказал я. – У меня не будет ни пуха, ни пера.

– Это вряд ли, – заметил охранник. – Они ищут крутого пришельца, а твой костюм выглядит так, будто ты вытащил его из мусорного контейнера на следующий день после Хеллоуина.

Он дёрнул тяжелую металлическую дверь. Та скрипнула, мы вошли внутрь, и нас поглотила темнота.

5

Мы с Луисом стояли в 42-й студии, ожидая, когда что-нибудь случится. Я ничего не видел. А потом вспомнил, что на мне по-прежнему солнцезащитные монокли. Я снял их и сунул в карман своего скафандра, но от этого светлее не стало. Мои глаза всё никак не могли привыкнуть к темноте, царящей в этой комнате.

– Есть здесь кто-нибудь? – позвал Луис.

– Мы на сцене, – ответил мужской голос. – Следуйте за жёлтой лентой на полу. И, пожалуйста, не мешайте, мы собираемся разыграть сцену.

Луис двинулся на цыпочках вдоль жёлтой линии и жестом пригласил меня следовать за ним. В темноте я его почти не различал и поэтому повернул вперёд ещё два глазных яблока для лучшего обзора. Мои присоски, видимо, прилипали к жёлтой ленте, и каждый раз, поднимая ногу, я слышал громкий треск – треск отрывающихся от земли присосок.

– Стоп! Снято! – донёсся со сцены раздражённый голос.

– Что это мы должны снять? – шёпотом спросил я у Луиса. – На мне нет лишней одежды.

– Я сказал, тишина на съёмочной площадке! – взревел голос. – Вы испортили дубль.

– О чём это он? – прошептал я Луису. – Я ничего не портил, я здесь даже ни к чему не прикасался!

– Замолкни, приятель, – прошептал Луис. – Из-за тебя нас сейчас отсюда вышвырнут.

Внезапно из темноты вынырнул хмурый мужчина с хвостиком. Он окинул меня взглядом и спросил:

– Дай угадаю: ты пришёл пробоваться на роль ребёнка-инопланетянина?

– Вот это да! Как вы узнали? – поинтересовался я.

– Не умничай, – огрызнулся он.

– Это Дуэйн Митчелл, режиссёр, – шёпотом сообщил мне Луис. – Он довольно известен в здешних кругах.

– Кажется, он не в духе, – прошептал я в ответ.

– Не говори глупостей, – возразил Луис. – Это он ещё в отличном настроении.

– Хватит шептаться, – проворчал режиссёр. – Я не могу творить в такой обстановке. Ваше шипение – как наждачная бумага по моим барабанным перепонкам.

– Прошу прощения, Верховный лидер, – ответил я, – отныне даже не буду дышать через рот. Постараюсь использовать только нос, хотя это может затруднить заполнение трёх моих легких.

– Не грузи меня, малыш. Тебе нет нужды вести себя как пришелец, пока не поднимешься на сцену. А теперь, пожалуйста, сядь и дождись своей очереди. И постарайся сделать так, чтобы твои странные пальцы на ногах нас больше не отвлекали!

Пробежав на цыпочках, я свернул вслед за Луисом за угол, где увидел яркие огни, несколько камер на колёсах и классную комнату со столами, удобными стульями и диванами. Это выглядело так заманчиво, что я поспешил вперёд и уселся на один из стульев рядом с девочкой-подростком, волосы которой тоже были собраны в хвостик, только чёрный. Казалось, она удивилась, увидев меня.

– Привет, – сказал я. – Бадди Ч. Бургер.

– Мне всё равно, даже будь ты Раймондом М. Хот-догом! – вскричал режиссёр. – Слезь со стула! Ты плюхнулся в самый центр декораций. Уйди отсюда и сядь на те металлические стулья рядом с другими актёрами, которые тоже ждут прослушивания.

– Не обращай на него внимания, – прошептала мне девушка на диване. – Он всегда кричит. Он тут типа главный.

– Я знаю кое-кого, похожего на него, – прошептал я в ответ. – Это Верховный лидер Эскадрильи на моей планете.

– А ты и правда в образе, – захихикала она. Что-то в её голосе заставило меня тоже хихикнуть.

– Эй, малыш, да что с тобой? – Режиссёр подошел ко мне и подбоченился. – Не смей отвлекать нашего главного таланта.

Луис вышел на сцену, схватил меня за руку и отвёл к ряду металлических стульев, расставленных рядами по бокам сцены.

– Что я сделал не так? – прошептал я.

– Это Кэссиди Кембридж, – объяснил он. – Она звезда шоу, чувак. Ты должен быть с ней уважительным и держаться на расстоянии.

В центр класса вышла женщина с планшетом и выкрикнула имя.

– Следующий – Тодд Фокс!

Высокий тощий парень со светлыми волосами встал и, ссутулившись, поднялся на сцену. Он выглядел как обычный человек, за исключением того, что его лицо было окрашено в зелёный цвет. Не могу даже сказать, сколько фильмов о Земле, в которых фигурировали инопланетяне с зелёными лицами, пересмотрели мы с бабулей Морщинкой. Нам всегда хотелось узнать, с чего вдруг люди решили, что мы, пришельцы, зелёные. И что у нас шесть глаз. Ох, минуточку – у меня ведь и правда шесть глаз.

– Хорошо, – сказал режиссёр, – начни с текста вверху четвертой страницы. Ты в классе новичок и прибыл с Марса или откуда-то ещё.

– Марс? – шёпотом обратился я к Луису. – Да что он несёт? По дороге сюда я пролетал мимо Марса, и там никого не было.

Луис поднёс палец к губам, желая меня утихомирить.

– Кэссиди, у тебя первая строчка, – напомнил режиссёр. – И... МОТОР!

Девушка с хвостиком встала из-за стола, подошла к Тодду и протянула ему руку для рукопожатия.

– Добро пожаловать в Академию Чудиков, – сказала она. – Похоже, ты отлично сюда впишешься.

– Я пришёл с миром, – начал Тодд Зелёное Лицо. Он замолчал и долго пялился в сценарий, перелистывая страницы. – О-ой! Кажется, я потерял своё место, – наконец сказал он директору.

– Я знаю, где твоё место, – рявкнул режиссёр, – ты доберёшься до него, если выйдешь на улицу и сядешь в трамвай! Нам нельзя терять ни минуты. Следующий!

– Дайте мне ещё один шанс, – пролепетал Тодд.

– Подготовка, – воскликнул Дуэйн Митчелл, – это лучший инструмент актёра! Тебе, мой друг, не хватает целого пояса с инструментами. И на выходе передай свой сценарий вон тем глазным яблокам. Нет смысла переводить хорошую бумагу на сценарий, который ты не соизволил изучить. Так мы хотя бы спасём несколько деревьев.

Проходя мимо меня, Тодд едва не швырнул в меня сценарий.

– В любом случае эта роль не достойна моего таланта, – прорычал он. – Можешь забрать её себе.

Я взял сценарий и поднёс его ко лбу, позволяя мозгу быстро его просканировать. Всего пара секунд – и я запомнил текст. Мгновение спустя я уже стоял на сцене, разыгрывая сценку

с Кэссиди. Я никогда прежде не играл, но благодаря своей напарнице об этом и не вспомнил. Мы погрузились в свои роли, и мне показалось, что я разговариваю со старым другом.

СЦЕНА ВНУТРИ. АКАДЕМИЯ ЧУДИКОВ. КЛАССНАЯ КОМНАТА.

ДЕНЬ

Пришелец входит в класс в сопровождении директора Бродботтома.

ДИРЕКТОР Бродботтом

Учащиеся, это ваш новый одноклассник, родом с Марса. Давайте поприветствуем его со всем радушием Академии Чудиков!

Директор Бродботтом выходит из класса, и Кэссиди встаёт со стула. Она подходит к пришельцу и протягивает руку.

КЭССИДИ

Похоже, ты отлично вступишь в Академию Чудиков. Ты для этого достаточно странный.

ПРИШЕЛЕЦ

Я пришёл с миром.

Инопланетянин протягивает руку и дотрагивается пальцем до лба Кэссиди. Она прыгает как ужаленная.

КЭССИДИ

Какой мощный палец! Значит, ты настоящий пришелец!

ПРИШЕЛЕЦ

Да, я принёс вам привет от своего народа.

КЭССИДИ

Вы, ребята, всегда так говорите. А затем вторгаетесь в наш мир и захватываете наши умы.

ПРИШЕЛЕЦ

О, я не такой. Я, скорее, как ты, немного ботаник. Я люблю читать книги.

Инопланетянин подходит к учительскому столу, берёт книгу, удерживает её на своей голове, на мгновение закрывает глаза и разражается смехом.

ПРИШЕЛЕЦ

Ты это читала? Как смешно!

КЭССИДИ

Ты читаешь книги макушкой?

ПРИШЕЛЕЦ

Разве не все так делают?

КЭССИДИ

Мы здесь все с чудиной. Вот я, например, вижу предметы. Из прошлого, из будущего. Общаюсь с духами. Такой у меня дар.

ПРИШЕЛЕЦ

Можешь продемонстрировать?

КЭССИДИ

Конечно. С кем бы ты хотел встретиться?

ПРИШЕЛЕЦ

Я всегда хотел увидеть звезду рок-н-ролла.

Кэссиди входит в транс. На заднем плане начинает играть музыка, ритмичный гитарный рифф.

Неожиданно, в самый разгар сценки, мой сенсорный усилитель на спине резко поднялся и затанцевал в такт музыке. Он подпрыгивал вверх и вниз с гораздо большим энтузиазмом, чем мне бы хотелось, поскольку из-за него я мог потерять равновесие.

– Стоп! – вскричал режиссёр. – Уберите эту музыку!

Музыка стихла, и сенсорный усилитель незамедлительно опустился на мою спину.

Дуэйн вышел из-за камеры.

– Что это было? – спросил он.

– О, вы имеете в виду это? – ответил я, указывая на сенсорный усилитель. – Мне очень жаль. Это больше не повторится.

– Нет, отчего же, мне понравилось. Ты можешь делать так каждый раз, когда пожелаешь?

– Чаще всего – да.

– Так ты начинил этот костюм батарейками, так?

Я не знал, что ответить. Стоило ли раскрыть правду, что сенсорный усилитель – часть моего тела? Что я – настоящий пришелец, который, чтобы добраться сюда, преодолел миллиарды миль во времени и пространстве? Он бы испугался.

Я принял мгновенное решение.

– Да, там батарейки, – подтвердил я. – Как вы узнали?

– Ух ты! – ответил режиссёр. – Вот это отношение к персонажу! Я впечатлён. И свой текст ты выучил в рекордно короткий срок. Кэссиди, что скажешь?

– Сниматься с ним было весело, – призналась она. – Между нами химия.

– Химия работает на меня, – сказал режиссёр и положил руку мне на плечо. – Ты нанят, малыш. Я Дуэйн Митчелл, твой директор. Как тебя зовут?

– Бадди Ч. Бургер.

– Прежде всего, Бадди Ч. Бургер, мой совет – избавься от Ч. Думаю, я сумею сделать тебя звездой. Как тебе такая перспектива?

– Невероятно, – запинаясь, пробормотал я. – То есть... это и правда невероятно. Я произнёс слово «невероятно»? Это на самом деле не-ве-ро-ят-но.

Я взглянул на Луиса.

«Завязывай с невероятным», – произнёс он одними губами.

– Так что, Бадди? Да или нет? – настаивал Дуэйн.

– Да, с большой буквы ДА. Я говорю igen!

Дуэйн побледнел.

– Почему ты так сказал?

– Это «да» на венгерском. Мне нужно практиковать свой венгерский при любой возможности.

Дуэйн покачал головой.

– Знаешь, приятель, я думаю, ты вполне мог бы быть инопланетянином на самом деле.

Ой-ой. Меня что, рассекретили? К счастью, я быстро понял, что это шутка: директор рассмеялся. Я сделал то же самое и отметил про себя больше никогда не разговаривать по-венгерски.

– Первая репетиция состоится завтра в девять часов, здесь, на этой сцене, – объявил Дуэйн. – Приходите вовремя или не приходите вообще. Изучите свои строки, потому что завтра мы записываемся перед живой аудиторией.

– Я так рад, что они не мёртвые, – сказал я.

– Кто не мёртвый? – спросил Дуэйн.

– Аудитория. Вы сказали, что мы записываемся перед живой аудиторией. Это хорошо, потому что мёртвая публика была бы слишком молчаливой.

– Я просто сделаю вид, что ничего не слышал. – Дуэйн снова покачал головой. – Я знаю, что тебе к завтрашнему дню нужно многое выучить, но верю, что ты справишься.

Невероятно! Я только что получил работу. Я – актёр. На Земле. Меня покажут по телевизору.

– На сегодня всё! – крикнул режиссер остальным актёрам, ожидающим своей очереди. – Спасибо, что пришли, но мы уже выбрали того, кто нам нужен.

Он схватил куртку и сценарий и, уходя, повернулся ко мне.

– Кстати, тебе нужно сдать свой костюм в костюмерную, в сухую чистку... Вернее, в химчистку.

– О, спасибо, но сухая чистка ему не нужна, – возразил я. – И влажная тоже. Я не потею.

– Ну, как знаешь, – сказал он, пожав плечами. – Встретимся в моём офисе через десять минут, чтобы подписать контракт. И приведи родителей. Ты несовершеннолетний, поэтому они подпишут контракт за тебя.

Я застыл на месте.

Привести родителей?

М-да, это будет непросто.

6

Я всё ещё пребывал в шоке, когда мы вышли из 42-й студии на солнечный свет.

– Чувак, – сказал Луис, – никогда в жизни не видел ничего подобного. Начинающие актёры обычно годами обивают пороги, прежде чем получают первую роль.

– А зачем для этого обивать пороги? – удивился я.

Луис засмеялся и шлёпнул меня по спине, так, что мой сенсорный усилитель закашлялся. Я поспешно приложил ладонь ко рту и сделал вид, что кашель идёт отсюда.

– Будь посерьёзнее, Бадди, – сказал он. – Ты только что получил практически главную роль.

– Луис, у меня с этой работой большие проблемы, – пожаловался я. – Даже не знаю, что делать.

– Хорошо, давай сядем и поговорим. Для этого и нужны друзья. Теперь, когда ты звезда, я назначаю себя твоим лучшим другом.

Луис направился к грузовику, припаркованному рядом с 42-й студией, и я последовал за ним. Мои присоски громко трещали, отрываясь от земли, пока я не вспомнил, что нужно ходить на цыпочках. Внутри грузовика я разглядел вешалки с костюмами – от бархатного платья королевы с украшенным драгоценными камнями воротником до скафандра, который был удивительно похож на форму Эскадрильи на моей планете. Луис опустил на задний борт кузова и жестом пригласил меня сесть.

– Расскажи мне всё, – сказал он.

Я сел рядом с ним.

– Я не могу подписать контракт, – признался я. – У меня нет родителей.

– Что значит у тебя нет родителей? Ты что, вылупился из яйца?

– Если честно, это больше напоминало капсулу.

Луис был моим лучшим другом – он ведь так и сказал. Было бы неправильно скрывать от него правду. Если я и собирался кому-нибудь доверить свою тайну, сейчас было самое время.

– Луис, – начал я, – знаю, в это трудно поверить, но я на самом деле пришелец и явился сюда с другой планеты, с Красного Карлика, расположенной в восьми галактиках от Земли.

Луис обхватил голову руками и закрыл лицо. Я решил, что довёл его до слёз. Оно и понятно: если бы мне выпала честь встретить первого человека, который когда-либо попадал на мою планету, я бы тоже расплакался.

Но оказалось, что он не плакал. Он был в отчаянии.

– Бадди, я хочу поговорить с тобой, как мужчина с женщиной, – сказал он, открывая лицо. – Ты в шаге от того, чтобы упустить лучший шанс в своей жизни. Если ты продолжишь нести этот инопланетный вздор, тебя лишат роли. Кроме того, твоё чувство юмора начинает меня утомлять. Завязывай с этим.

Я сидел с ним в грузовике и пытался вникнуть в суть его слов. Эти люди, даже милые, как Луис, не были готовы принять меня таким, какой я есть. Инопланетяне были для них слишком чужды и далеки. Этот неоспоримый факт не оставил мне выбора.

– Хорошо, – сказал я Луису, – больше не буду. Не хочу всё испортить.

– Бадди, ты портишь мой мозг. Хватит уже.

– Хорошо, вот тебе правда, – сказал я, – мои родители – археологи, и они ищут затерянный город в пустыне Сахара. До них не дозвониться.

Если вам интересно, откуда в моей голове появился этот маленький бриллиант, то таков был сюжет одного из фильмов, которые любила смотреть бабуля Морщинка. Мой любимый эпизод – когда герой падает в яму с ядовитыми змеями, потому что на моей планете никаких змей нет, и это был первый раз, когда я их увидел. Но сейчас о змеях говорить не стоило.

– Археологи? – воскликнул Луис. – Ух ты, круто! И кто же за тобой присматривает?

В памяти возник ещё один из моих любимых старых фильмов.

– Я сбежал из интерната для мальчиков-сирот, где нас кормили кашей с комочками и чёрствым хлебом. Мальчугана в соседней постели звали Оливер. Он единственный, кто знает, что я сбежал.

Луис, похоже, не смотрел этот фильм, потому что верил каждому моему слову.

– О боже! – воскликнул он. – Тем важнее, что ты получил эту роль! Нельзя же тебе вернуться обратно в приют.

Мы сидели на грузовике и думали. Мимо нас прошёл крупный усатый мужчина, толкающий перед собой две гигантские лампы на подставках с колёсами. Позади него двое других выгрузили из фургона фрагмент декорации, похожий на замковый подъёмный мост, и внесли

его в дверь студии. Женщина-костюмерша в грузовике, на котором мы сидели, одевала актрису в чёрный ведьмин костюм.

Здесь, в киностудии под открытым небом, было здорово. Я мог бы сидеть тут вечно.

– Должен же быть кто-то ещё, кто может подписать за меня договор, кроме родителей, – произнёс я.

– Ты несовершеннолетний, – объяснил Луис. – Единственные люди, которые могут подписывать за тебя документы, – это твои родители или опекун старше восемнадцати лет.

Нас осенило одновременно.

– А ты? – спросил я.

– Мне исполнилось восемнадцать третьего числа прошлого месяца.

– Ты мог бы это сделать?

– Я постараюсь. Конечно, они могут попросить доказательства того, что я твой опекун. Но попытка не пытка!

Мы нашли офис директора в трейлере неподалёку от 42-й студии. Я думал, что он окажется наряднее и просторнее, но это была лишь кабинка на колёсах, стоявшая рядом с другими такими же, на которых я заметил надписи «РЕКВИЗИТ», «ТРАНСПОРТ», «СВЕТ» и «СЦЕНАРИСТЫ». Мы с Луисом поднялись по металлическим ступенькам и увидели Дуэйна, сидящего за выдавшего виды столом.

– Где твои родители? – спросил он, увидев меня.

– Они ищут сокровища в пустыне Гоби, – со вздохом вымолвил Луис.

– Ага, а я – Кинг-Конг, – отрезал Дуэйн.

– На самом деле они археологи в пустыне Сахара, – объяснил я.

– Сахара, Гоби, Мохаве, – поспешно прервал меня Луис, пытаясь замаскировать свою ошибку, – какая разница? Там везде один песок.

– Кто подпишет за тебя договор? – спросил Дуэйн. – Я не могу допустить тебя завтра к работе без подписанного контракта.

– До возвращения родителей его опекун – я, – сказал Луис. – Я подпишу бумаги.

Дуэйн мгновение пристально смотрел на Луиса.

– А кто ты такой, если быть точным?

– Луис Ривера. Сейчас я присматриваю за Бадди.

– У тебя есть доказательства того, что ты его опекун?

– Конечно, но документ дома, в ящике для носков. Я не знал, что он мне сегодня понадобится. Кстати, я тоже актёр и готов в любое время занести вам свою фотографию и резюме.

– Избавь меня от подробностей, – сказал Дуэйн. – Документы нам нужно подписать сегодня, поэтому принеси мне то, что у тебя есть, завтра, а сейчас просто поставь своё имя на пунктирной линии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.